

СУДЬБА НИГИЛИЗМА В РОССИИ

В.В. Савчук

*доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Как отнестись к нигилизму сегодня? Не затмили ли его сегодня понятия тоталитаризм и терроризм? Не остались ли нигилисты в эпохе бомбистов и анархистов? Может, он лишь указывает на эпоху, подобно якобинцам? А если содержание термина все же отражает реальность нашего времени, то каковы его новые формы? Ряд вопросов удостоверяет общее место: по поводу нигилизма всегда возникает много больше вопросов, чем дают ответов.

История термина

В дискуссии Э. Юнгера и М. Хайдеггера¹ о нигилизме, названной современниками эпохальной, писатель и философ не касаются истории термина, оставляя за скобками дискуссии предшествующих времен. Возможно, причиной тому персональная адресация, стиль которой задает соответствующие правила сообщения. Их эстафету принимают Дитмар Кампер и Гюнтер Фигаль, опуская историю вопроса и разъяснительную работу. Но для

¹ «Э. Юнгер написал работу «Через линию» в 1950 г. для юбилейного сборника в честь 60-летия Хайдеггера, посвятив ее европейскому нигилизму. Отметив вначале, что нигилизм восходит к Ницше и Достоевскому, Юнгер завершает свое сочинение сравнением позиций мыслителя и писателя, шире мыслителя и художника. Центральным пунктом работы является отличие нигилизма, не поддающегося строгому определению, от зла, хаоса, болезни. Текст-посвящение Юнгера интересен не только точностью образа: он представляет собой результат многолетних поисков, наблюдений, размышлений, жизненного опыта. Итог этот не столько личный, сколько естественно-исторический. Работа «Через линию» провоцирует яркостью картин, точным диагнозом и ригоризмом суждений. Для Юнгера как командира разведгруппы в Первую мировую войну опыт пересечения линии фронта был исходным в размышлении о нигилизме. Нужно также иметь в виду, что здесь изложена квинтэссенция представлений автора, трансформировавшихся начиная с 20-х годов в публицистических статьях, прошедших стадию первого оформления в его знаменитых эссе 30-х годов. Мартин Хайдеггер в ответной статье «О «линии»» в 1955 г. в такой же юбилейный сборник в честь Юнгера, переименованной им позже «К вопросу о бытии», оспаривает, прежде всего, саму попытку понимания нигилизма писателем. Отвечая на вызов, Хайдеггер ставит своей задачей установить «происхождение сущности нигилизма и сущности его окончания» (Хайдарова Г. Предисловие // Судьба нигилизма. Э. Юнгер, М. Хайдеггер, Д. Кампер, Г. Фигаль. Перевод с немецкого Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. с. 4-5).

понимания контекста, в который попадают их соображения о нигилизме, полагаю все же уместно привести краткую историю термина².

Отправной тезис — нигилизм есть европейский феномен. В истории мысли понятием нигилизм выражали свое отношение к различным философским позициям, например, философскому эгоизму или солипсизму, идеализму, атеизму, пантеизму, скептицизму, материализму и пессимизму, а кроме того, оно служило для обозначением религиозных, политических и литературных течений. Автор статьи «Нигилизм» В. Мюллер-Лаутер полагает: «Как «terminus novus» оно было употреблено в 1733 г. Ф. Л. Гетциусом, в отношении теологии и философии, а также к другим наукам, вплоть до юриспруденции и медицины»³. Слово «нигилист» использовали для *негативной* характеристики определенных политических и социальных установок во французской литературе после 1793 г., в которой оно не совпадало с философским значением понятия «нигилизм» в Германии⁴. Остается спорным, повлияли ли на последнее более ранние словообразования от «nihil». Вместе с «аннигиляцией» наиболее важным из них является «нигилизм» как обозначение еретического направления христологии во второй половине XII столетия, которое сводится к речи о «nichilianist(a)e» Готье де Санкт-Виктора. Согласно его мысли, вечный Логос не может *становиться* чем-то, поэтому Христу человеческое бытие присуще только акцидентально, как человек Христос «non aliquid», то есть не индивид. Нигилист (Nichilianist(a)e) раскрывается в отрицании человеческого воплощения Бога.

Широкую дискуссию вызвала трактовка понятия нигилизм Ф. Х. Якоби, с именем которого связывают популярность этого понятия⁵. Он использовал термин нигилизм для характеристики теоретической философии Канта⁶, а также наукоучения Фихте (в котором он видел последовательного кантианца). В письме к Фихте (1799) Якоби указал, что тот достигает цели своей философии,

² Я воспользуюсь статьями Mueller-Lauter W. Nihilismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 6. / Hrsg. Joachim Ritter und Karl-Friedrich Grunder. - Basel; Stuttgart, 1984. S. 846 -853; Risenhuber K. Nichts // Handbuch Philosophischer Grundbegriffe. Muenchen, Koesel, 1973. S. 991 – 1008; Le Petit Robert. P., 2001. P. 1152.

³ Mueller-Lauter W. Nihilismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 6. / Hrsg. Joachim Ritter und Karl-Friedrich Grunder. - Basel; Stuttgart, 1984. S. 846.

⁴ Согласно словарю Робера термин нигилизм известен во Франции с 1787 г. Он выделяет три значения нигилизма: 1. Нигилизм как философская доктрина, согласно которой нет ничего, что существовало бы абсолютно. 2. Идеология, которая отвергает всякое социальное принуждение. 3. Настроения, характеризующиеся пессимизмом и моральным разочарованием. Например, пессимзм панков (Le Petit Robert. P., 2001. P. 1152).

⁵ Эту позицию разделяет и Хайдеггер в работе «Европейский нигилизм» (см.: Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1994. С. 63).

⁶ По Якоби, кантовский "нигилизм" имеет два аспекта. «Во-первых, Кант уничтожает реальность предметов чувственного опыта, именно тех предметов, среди которых мы живём и которые мы познаём. Во-вторых, сверхчувственные предметы идей разума (и прежде всего - Бога) он превращает в пустые фикции, продукт "гипостазирования", т.е. равным образом лишает их подлинной реальности» (Чернов С.А. Кантианцы против Якоби // Credo New. Теоретический журнал. 2004, №4. С. 14).

исходя из единичного Я, только за счет рефлектирующего разрешения всех «вещей» в мыслительной конструкции абсолютного Я, которое на самом деле есть только продукт абстракции эмпирического Я. Для человека, который таким образом абстрагируется и тем обожествляет себя, все растворяется «постепенно в его собственном ничто». Только вера в живущего, самосуществующего Бога может противостоять отчаянию, возникающему из такой философии, полагал Якоби. Именно это понимание нигилизма дало основание отечественному исследователю полагать, что «Ф.-Г. Якоби создал понятие «нигилизм», и это понятие было, если можно так сказать, его «эпохальным» открытием»⁷. Так, последовательный идеалист должен начинать с нигилизма, поскольку из него он никогда не доберется до чего-то конкретного. С другой, но в равной мере ведущей к нигилизму стороны, У. Гамильтон дополняет: «если ничего, кроме феноменальной реальности самого факта не позволено, то получится нигилизм». Он проводит различие между спекулятивным нигилизмом Фихте, который у него преодолевается в практической философии, и скептическим нигилизмом Юма. Но и сам Якоби, как утверждает гегельянец Ц. Ф. Гешель, незаметно для самого себя впал в идеализм и нигилизм, с которыми боролся⁸. Как здесь не вспомнить завершение статьи Юнгера «Через линию»: «Упрек в нигилизме сегодня популярен, и каждый приписывает его своему противнику. Весьма вероятно, что правы *все*».

Хотя Фихте в своих письмах отклонял упрек Якоби в нигилизме, показывая причину недоразумения, но с тех пор эта проблематика постоянно занимала его. Уже в наукоучении 1812 г. он задается вопросом о средствах избежать «крушения реальности» вследствие нигилизма рефлексии, и находит такое средство в рефлектировании-до-конца: знание должно признать себя наконец опирающимся «на чистую реальность». Продолжая спор, Ж.-Ф.Лиотар утверждает: «Абсолютное знание требует законченного нигилизма». Фихте, приняв в расчет критику Якоби, придал новый импульс дискуссии об идеалистическом нигилизме в работе «Определение человека» (1800).

Согласно же Гегелю, «для нигилизма нерешенная задача» состоит в том, чтобы «познать *абсолютное* ничто». Оно на самом деле должно было бы представлять абсолютный центр Бога, которому не присуще никакое для-себя-

⁷ Михайлов Ал. В. «Эстетика» Жан-Поля. // Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 21. Полнота картины требует оглашения другой точки зрения, которую приводит С.А. Чернов, собравший антиякобистские высказывания: Якоби — «дилетант» (Шеллинг), «вождь полузнаек в философии» (Гегель), «сварливый прохвост» (Гейне), «низшая монада», которая не в состоянии понять и оценить подлинный смысл кантовской философии» (Куно-Фишер), его работы — «аффектированное мечтательное гениальничание» (Кант), «в общем и целом, а также и в деталях... «просто не понял» Канта (Юлиус Лехман в диссертационном исследовании о критике Якоби) (Чернов С.А. Кантианцы против Якоби // Credo New. Теоретический журнал. 2004, №4. С. 6 - 7).

⁸ Mueller-Lauter W. Nihilismus // Historisches Worterbuch der Philosophie. Bd. 6. / Hrsg. Joachim Ritter und Karl-Friedrich Grunder. - Basel; Stuttgart, 1984. S. 847.

существование. Вот как выглядит первоначальная интенция гегелевского проекта: дух ”достигает своей истины, только обретя себя самого в абсолютной разорванности. Дух есть эта сила... только тогда, когда он смотрит в лицо негативному, пребывает в нем”⁹. Согласно Хр. Вайссу, в основе гегелевского отрицания персональности Бога лежит возведение к божественности логической идеи, которая не только определяет никакого нового содержания, но и квалифицируется по Ф. Лаку-Лабарту и Ж. Л. Нанси как «логика Террора»¹⁰. Таким образом, диалектическое движение понятия у Гегеля, развивающееся из ничто, на самом деле остается в области ничто; *настоящее* становление закрыто для этого движения. Фихте вначале соглашается с акосмическим толкованием Гегеля у Вайсса, но позже резко возражает против предположения, что его логика нигилистична.

В раннем романтизме, особенно у Новалиса и Фр. Шлегеля (который впервые употребил слово «нигилизм» в 1787 г.) происходит «поэтизация принципов Фихте». Мысль о бесконечной деятельности абсолютного Я распространяется на творчество индивидуального Я. Это привело к упреку ранне-романтической поэзии в нигилизме из-за ее волюнтаризма и удаленности от природы. Понятие нигилизма приобрело статус эстетической категории, которая вырабатывалась в критике мистиков, поскольку они «весьма последовательно называли божество бесконечным ничто, и поэтому их образ мысли был назван нигилизмом»¹¹.

Во Франции XVIII века «нигилистом» называли того, кто был «ни за, ни против». В «Неологе или словаре новых слов» (1801) Л. С. Мерсье характеризовал «нигилиста или негативиста» как человека, «который ни во что не верит, ничем не интересуется». В подобном же смысле понятие «нигилизм» употребляли в 19 веке Дж. Герес, Д. М. в. Радовиц и Г. Келлер; им они обозначали жизненную позицию эгоистической ограниченности, представители которой обретали безопасность, равнодушно отказываясь от любой сильной идеи, и подчинялись смене господствующего мнения, то есть, безусловно полагались на существующее.

Чаще нигилистическими называли критические по отношению к обществу и революционные тенденции, которые коренятся в атеизме. Ф.Ф. Баадер

⁹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. // Соч. Т. IV. М., 1959. С. 16. Подобный мотив мы встречаем у непримиримого оппонента Гегеля Артура Шопенгауэра, связывающего осознание негативного с рефлексией: “У человека, вместе с разумом, неизбежно возникла и ужасающая уверенность в смерти. Но как вообще в природе всякому злу сопутствует средство к исцелению от него или, по крайней мере, некоторое возмещение, так и та самая рефлексия, которая повлекла за собою сознание смерти, помогает нам создавать себе такие *метафизические* воззрения, которые утешают нас в этом и которые не нужны и не доступны животному” (Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1993. С. 81).

¹⁰ Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж. Л. Нацистский миф. СПб., 2002. С. 20.

¹¹ Шлегель Ф. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 120 – 121.

находит в («прусском») «научном нигилизме» «деструктивное для религии злоупотребление интеллекта», в котором ничего нет, кроме «фундированной ненависти и игнорирования всех существующих (гражданских и религиозных) социальных институтов». После того как Евангелие было отнесено «нигилистической критикой» к мифам, «современный нигилизм» много раз пытался, как поясняет Б. Ауербах, «распространить в народе атеистическое отчаяние», не беспокоясь о проистекающем из этого следствии — «беспочвенности будущего». Отрицание греха привело к отрицанию как божественной, так и человеческой власти. Это давало нравственную основу революционному нигилизму. Но все же не все так однозначно. Революционный нигилизм мог, как показал К. Гуцков в своем рассказе «Нигилисты» (1853), социально адаптироваться. То, что это стало великим искушением для любого реально действующего нигилиста, подытожил А. Камю: «Конформизм - одно из нигилистических искушений бунта, преобладающим влиянием конформизма отмечена немалая часть истории нашего умственного развития. И она показывает: если бунтарь переходит к действию, забывая свои корни, он подвергается сильнейшему искушению конформизмом. Этим искушением проясняется XX век»¹².

Наследниками критики идеализма как нигилизма стали младогегельянцы. Перед лицом критики религии Д. Штрауса, Б. Бауэра и Л. Фейербаха логика и философия религии Гегеля кажутся всего лишь предтечей нигилизма. С нигилистической позицией исследователи связывают взгляды Фейербаха. Философский эгоизм получает практическое толкование у М. Штирнера, которого, замечу, активно изучал И. Тургенев. И наконец, К. Розенкранц констатирует развитие нигилистического радикализма до практики «радикального нигилизма, до революции пролетариата». Понятие нигилизм стало обозначать материалистический способ мышления уже с 40-х годов 19 века.

Немецкий романтизм начала 19 века пробудил интерес к *индийской* религии и поэзии (Ф. Майер, Фр. Шлегель). В последующие десятилетия у исследователей религии был популярен буддизм, который интерпретировался как нигилизм. Метафизика воли Шопенгауэра появилась как возврат к такому «пантеистическому нигилизму». Ф. Ницше усмотрел в пессимизме Шопенгауэра «новый буддизм», который он понимал как *пассивный* нигилизм. Чуткий к отслеживанию западных влияний Герцен обращает внимание Тургенева: «Замечаешь ли ты, что ты со своим Шопенгауэром ... становишься нигилистом», характеризуя последнего как «идеального нигилиста, буддиста и мертвиста».

¹² Камю А. Бунтующий человек. М., 1999. С. 184. Этот сюжет присутствует и у Юнгера, о чем пойдет речь ниже.

На ницшевское понимание нигилизма особенное влияние оказали лекции П. Бурже «Эссе о современной психологии». Ницше интерпретирует нигилизм как *волю к ничто*, которая, как скрытая воля к власти, создает фикцию трансцендентного мира, чтобы выносить суждения о реальном мире. Суждение ведет к саморефлексии и наконец к саморазрушению человека, который его практикует. Ницше описывает *европейский* нигилизм, как историческое движение *декаданса*, начавшееся с Сократа и продолжившееся в христианстве; нигилизм развивает, согласно Ницше, чувство истинности, которое сублимируется «в научную совесть, интеллектуальную чистоту любой ценой». При этом обнаруживается неморальный интерес, фундирующий всякую мораль. Всеобщая истина, к которой стремятся философы, разлагается на многообразие равноправных «истин».

Ницше называет себя “первым совершенным нигилистом Европы”, у которого “нигилизм уже позади”. Он определит ближайшие два столетия, чтобы позже ему на смену пришло “*контрдвижение*” *переоценки всех ценностей*. Но прежде нужна селекция *сверхчеловека*. В нем *воля к власти* переживает свое высшее творческое выражение. Учение о вечном возвращении содержит предел: нигилисты разбиваются об него, поскольку оно для них означает, что “Ничто (“бессмысленное”) вечно”.

С конца XIX века распространение получает ницшевское понимание нигилизма. Едва ли можно обозреть множество публикаций, в которых явления прошлого и настоящего определяются как нигилистические. Х. Рушнинг описал изменения нигилистического сознания в поколениях после Ницше. Вера в то, что нигилизм стал «нормальным состоянием» развенчивается в произведениях Г. Бенна, который противопоставляет нигилистическому процессу распада цельность художественной формы. По Т. Адорно, Ницше, используя против христианства термин «нигилизм», придал ему «другое значение». Оно стало «воплощением ничтожного состояния или состояния, обвиняющего себя в ничтожестве». Но такого рода «преодоление» является во много раз хуже, чем «преодоленное». Оно объединяется, наконец, с силами разрушения, является, таким образом, само нигилистичным. То, что осуждается с точки зрения кажущейся позитивности как нигилизм, нуждается в защите, поскольку нигилизм в конечном итоге является конкретным критическим сознанием.

Масштабный анализ нигилизма и попытку его преодоления предпринял К. Ясперс. Для него «открытое безверие» нигилизма является образом *нефилософии*, против которой нужно полагать философскую веру в трансценденцию. Так вопрос о *ничто* получает центральное значение у экзистенциалистов, а их самих часто характеризуют как нигилистов или причисляют к нигилизму: наряду с Ясперсом, прежде всего Хайдеггера и Сартра. Камю понимает под нигилизмом сознание тотальной *абсурдности*

человеческого существования. Внутренняя противоречивость этого сознания приводит его к разработке позиции бунта, поддерживаемого человеческой солидарностью; на место универсальной бессмысленности вступает достоверность, пусть даже обретенная загадочным образом.

Пусть и схематично здесь изложен контекст, в котором оказывается мысль приведенных здесь авторов. Не ослабевает интерес к нигилизму и по сей день. Такие разные мыслители XX века, как Э. Юнгер, М. Хайдеггер, Ю. Эвола, М. Фуко, Ж. Ваттимо, А. Бадью и многие другие анализируют его в своих работах.

Нигилизм в России

Немецкие и французские трактовки понятия «нигилизм» и «нигилисты» были идейными истоками нигилизма в России. Однако теоретические истоки не могут нам объяснить подлинную причину столь широкого распространения его в России. Принято считать, что причиной такого распространения является появление среды разночинной интеллигенции. Возникнув неожиданно и в большом количестве, разночинцы оторвалась от своих мелкобуржуазных и церковных корней, но к правящему классу не примкнули¹³. Таким образом, появилась фигура и мировоззрение типичного маргинала, порывающего со своими семейными и сословными традициями, а других не обретшие. Вместе с тем увлеченность нигилизмом была способом борьбы за индивидуальность, особенно это касалось поиска путей эмансипации молодых женщин¹⁴. Маргинальность усиливалась культурной и чиновнической дискриминацией и оскорбительно высокомерным отношением к ним аристократов, на которое указывает Л.Н. Толстой в повести «Юность»: «Человек, дурно выговаривающий по-французски, тотчас возбуждал во мне чувство ненависти. «Для чего ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь? — с ядовитой усмешкой спрашивал его мысленно». Образованность, бедность, неукорененность и неопределенность убеждений вкупе с претензией на интеллектуальное превосходство были питательной средой радикального протеста, принявшего форму нигилизма.

Но до этого была история проникновения термина в Россию. Одним из первых в 1829 термин нигилизм использовал в критике поэзии Пушкина и его

¹³ «Для «кухаркиных» и даже купеческих детей образование означало разрыв с семьей, классом, с целой культурой» — пишет Г. П. Федотов. В результате «привыкнув дышать разреженным воздухом идей, интеллигенция с ужасом и отвращением взирала на мир действительности. Он казался ей то пошлым, то жутким; устав смеяться над ним и обличать его, она хотела разрушить его — с корнем, без пощады, с той прямолинейностью, которая почиталась долгом совести в царстве отвлеченной мысли (Федотов Г.П. О судьбе русской интеллигенции. М., 1991. С. 44, 40).

¹⁴ «Брак без любви и брачное сожителство без дружбы нигилист отрицал. Девушка, которую родители заставляли быть куклой в кукольном доме и выйти замуж по расчету, предпочитала лучше оставить наряды и уйти из дома» (Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 405).

плеяды Н. И. Надеждин, трактуя его в смысле «ничтожество»¹⁵. Белинский со ссылкой на Жана Поля употреблял его как синоним «идеализма». Добролюбов, критикуя книгу профессора Берви, выпущенную в 1858, трактовал нигилизм как «отрицание любого реального бытия» и скептицизм. В начале 1880-х Н. Н. Страхов в своих «Письмах о нигилизме» рассматривал «критику существующего порядка» как негацию «почти всего существующего». При этом по замечанию Н. Н. Скатова, являясь человеком «устойчиво консервативных взглядов», Страхов отдавал дань русскому контексту нигилизма, считая, что «мы вправе требовать серьезного отношения к нигилизму, вправе ожидать, что в нем обнаружались какие-нибудь немаловажные черты нашей духовной жизни и сделаны некоторые шаги в прогрессе нашего самосознания». И он не одинок, так религиозный мыслитель Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев) принимает даровитого, честного и энергичного Базарова, указывая на то, что он выражает «отрицательную сторону истины». Усилив историческую необходимость, А. Григорьев полагает, что нигилизм заслуживает самого серьезного к себе отношения, поскольку имеет «совершенно законное место в общем процессе человеческого сознания»¹⁶. Позитивное прочтение нигилизма не исключает западный образ его; напротив, – и это точно подметил Н. Н. Страхов, – прямо и непосредственно наш нигилизм во всем уживается с «великим уважением к западу»¹⁷. На своих учителей указывает Базаров: «Да, немцы в этом наши учителя».

Широкое распространение в России идеи нигилизма получают благодаря М.Н. Каткову, редактору «Русского вестника», где печатался роман И. Тургенева «Отцы и дети», но более — благодаря самому роману, в котором дано точное определение: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед каким авторитетом, который не принимает никакой принцип на веру, пусть даже этот принцип пользуется всеобщим вниманием и уважением». Идеалистическая эстетика, метафизика, религия и автократия, держащиеся за что-то, есть *ничто*, которое нужно разоблачить и низвергнуть: «Нигилизм не преобразует *нечто* в *ничто*, но разоблачает, что *ничто* принимается за *нечто*, является оптическим обманом», — пишет А. Герцен в 1868 году.

Итак, вначале нигилизм был жупелом, им пугали и обзывали, но никогда не применяли к себе¹⁸. Более того, из его истории мы знаем, что часто критики,

¹⁵ Стоит упомянуть, что и сам Пушкин употреблял это слово в смысле «ничто», связывая его с результатом разумного подхода: «Но тщетно предаюсь обманчивой мечте; / Мой ум упорствует, надежду презирает... / Ничтожество меня за гробом ожидает...» (А. С. Пушкин. «Надеждой сладостной младенчески дыша...»).

¹⁶ Григорьев А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 147.

¹⁷ Страхов Н. Н. Нигилизм. Причины его происхождения и силы // Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 76.

¹⁸ Достоевский в «Бесах» связывал Нигилизм (не под влиянием ли прочитанного им Маркиза де Сада) с бесцельной, угрюмой энергией «ушедшей нарочито в мерзость». Нигилизм, по Достоевскому проявляется в

использовавшие оружие нигилизма, сами нередко были обвинены в нигилизме. Затем у Ницше, который назвал себя совершенным нигилистом, «впервые нигилизм становится осознанным... но он не воспевал его, так как предугадывал, что, в конце концов, апокалипсис примет гнусный дяляческий облик, а стремился избежать его». Его нигилизм есть осознанная, но все еще *негативная* позиция. И, наконец, в России нигилизм становится не только самоопределением и самоутверждением, но и позитивной программой. Об этом после выхода романа «Отцы и дети», разъясняя, писал И.С. Тургенев: «Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено это слово, но как точное и уместное выражение проявившегося — исторического — факта». Во времена написания романа нигилизм был тяжелым оружием на поле интеллектуальной брани, так как его использование означало бесповоротное осуждение и почти клеймо позора. Силу негативного означивания придавали консервативные силы российского общества. Эту же — и только эту — точку зрения мы обнаружим, например, в статье словаря Брокгауза и Эфрона. Но вопреки всему в России было и другое направление мысли, выраженное С. Степняком-Кравчинским: «Слово нигилизм получило права гражданства сперва как бранная кличка, а потом как гордо поднятый ярлык той философской школы, которая одно время занимала самое видное место в русской интеллектуальной жизни... мы были убеждены, что боремся за счастье всего человечества, и каждый из нас охотно пошел бы на эшафот и сложил свою голову за Молешотта и Дарвина». В точном соответствии с современным содержанием термина «стигматизированная идентичность» (когда внешняя отрицательная характеристика становится внутренней точкой опоры, позитивным отличительным знаком) нигилисты сменили негативный знак на позитивный и впервые использовали его в *самоназвании*.

Именно эту тенденцию трактовки нигилизма отразил И. Тургенев, вызвав тем у большинства исследователей убеждение, что именно в его романе «Отцы и дети» заявила о себе в полный голос специфика как отечественного, так и всего европейского нигилизма: «Вряд ли будет преувеличением сказать, что нигилистическое движение, несмотря на его исторические последствия, едва ли продвинулось дальше по сравнению с базаровскими лозунгами»¹⁹, — пишет в конце XX века А. Данто. Эту точку зрения активно оспаривает В. Мюллер-Лаутер, полагая, что «Нельзя вводить новообразование слова «нигилизм» и при

отрицании Христа, на месте которого оказывается нечто ужасное, поскольку отрицая Бога, нигилист отрицал Россию, свой народ во имя «равенства, зависти и пищеварения». Исторически запаздывающая в модернизации Россия в XIX в. переживала те же этапы возникновения нигилизма, которые К. Ясперс связывал с Новым временем, когда происходит «разбожествление» мира (см.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994), «богооставленности» человека (Ницше). Антиклерикальный характер нигилизма был основой исключительно негативного его прочтения.

¹⁹ Данто А. Ницше как философ. М., 2001. С. 37-38.

этом забывать о его длительной традиции. Например, И. Тургенев думал, что он изобрел это слово в 1861 г., и многие с тех пор разделяли это мнение»²⁰. Как заметила обстоятельно проанализировавшая этот вопрос Г. А. Тиме, немецкие идейные источники нигилизма не только оказали решающее влияние на роман И. Тургенева «Отцы и дети», но и сам автор вполне отчетливо осознавал их влияние²¹. Заслуга Тургенева — *не в изобретении термина, но в позитивной трактовке его содержания*: если Базаров «и называется нигилистом, то надо читать революционером», — пишет он в дискуссии, развернувшейся после выхода романа.

Сила нигилизма в России не столько в радикальности и силе убеждений нигилистов, сколько в слабости интеллектуальной и аристократической элиты. Исследователи выделяют три источника широкого распространения нигилизма в России 1840 – 1880-х гг.²². Первая причина: «Террор революционеров начинается после того, как правительство «начинает бить и истязать учащуюся молодежь, сечет революционеров, всячески унижает человеческое достоинство». Вторая причина — опередить развитие капитализма: «Наша обязанность взвесить все условия и употребить все старания, чтобы ликвидация существующего государственного строя произошла как можно скорее, прежде чем под его покровительством успеет сформироваться и окрепнуть какие-либо сословия, враждебные народу». И третья, субъективные наиболее значимые причины: ««Кающиеся дворяне» шли в революцию, чтобы успокоить свою больную совесть», «протестующие разночинцы — чтобы отомстить за свои обиды». Но таковых было меньшинство, большинство же составляло третье направление, - люди, лелеющие юношеские мечты о всеобщем счастье и справедливости, у которых «был молодой задор, жажда подвига и готовность на жертву. Таково было громадное большинство революционеров 70-х — 80-х годов. Они были не мстители, а мечтатели», – заключает М. Дрей.

Реальность неправового общества, общества угнетения и несправедливости, уравновешивалась деятельным сочувствием к бедным, которые, по их мнению, были праведными. Справедливости ради заметим, что кроме разночинцев и мечтателей из состоятельных семей, живо воспринявших идеологию и практику революционного нигилизма, существовало и другое крыло — левые критики правительства, которые своей леворадикальной фразеологией и критикой правительства в прессе зарабатывали как символический, так и вполне приличный материальный капитал.

²⁰ Mueller-Lauter W. Nihilismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 1. / Hrsg. Joachim Ritter und Karl-Friedrich Grunder. - Basel; Stuttgart, Bnd. 6, 1984. S. 846.

²¹ См.: Тиме Г.А. Немецкая литературно-философская мысль XVIII-XIX веков в контексте творчества И.С. Тургенева (Генетические и типологические аспекты). Muenchen, 1997.

²² См.: Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х — первая половина 1880-х годов. М., 2004.

Революционной идеей сытно кормилось не одно поколение радикалов. На это указывал Э. Юнгер, а прежде него, на конкретных примерах материального успеха целого слоя леворадикальной идеи, нигилистов — В. В. Розанов. Он нарисовал колоритную картину времени, на которой материальная нищета правых, консерваторов соседствует с благополучием, даже богатством, «революционеров» и критиков правительства. Нигилизм — это в первую очередь личная проблема и проблема нравственная. П.А. Кропоткин приводит характерное высказывание: «Я становлюсь безнравственным, — говорил молодой нигилист своему другу, иногда даже подтверждая мучавшие его мысли каким-нибудь поступком. — Я становлюсь безнравственным. Что может меня удержать от этого?»²³.

Итак, нигилизм приобрел в России особый статус, поскольку — и это распространенное мнение — радикальность западных идеологических проектов приобретает здесь крайнюю форму практического осуществления. И если теоретически и терминологически отечественный нигилизм вторичен, то *по силе* практического отрицания «отжившего», *скорости*, с какой нигилисты от философских и литературных образов переходят к практическим действиям и, наконец, *по количеству* идейных образованных людей, втянутых в водоворот практического нигилизма и, главное, по позитивному истолкованию его — ему не было равных. Именно это позитивное прочтение нигилизма, вернувшись в Европу, провоцировало мысль ведущих мыслителей осмысливать свое изменившееся настоящее, проводить переоценку всех ценностей, отрицать отжившее.

То, что есть, не должно быть

Невероятное, то есть сущее
Ив Бонфуа

Для понимания практики нигилизма в его крайней форме — терроризма, — аналитикам потребовался мощный ресурс архаической жертвы, которая неподвластна ни рациональному измерению, ни этической оценке, ни эстетическому катарсису. Она факт сообщества, гарантия символического порядка, способ коммуникации с трансцендентным и удостоверение высшей ценности его, уравнивающегося одной лишь ценностью жизни. Первая — архаическая жертва — конкретна, жизнотворна, радостна, неразрывна с коллективным телом, которое ее приносит; в архаическом сознании нет ни иронии, ни нигилизма. Вторая — абсолютная жертва — ужасна, имперсональная, разрушительна. Она суть ничто, онтологическое следствие

²³ Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 283.

которого не разъято с оценкой. Исподволь происходит подмена конкретной жертвы символической инстанцией противостоящей злу — *абсолютной* жертвой. Сегодня, — делает вывод Жак Рансьер — «составилось абсолютное внеюрисдикционное право жертвы бесконечного Зла. И наследуемо это абсолютное право защитником прав жертвы»²⁴. Но абсолютное продумано не только в метафизической традиции, но и в древнейшей форме жертвоприношения, восстанавливающего устойчивый порядок круговорота событий в Космосе. Жертва — онтологическое условие существования культуры.

Приведенные мысли близки трактовке божественного насилия В. Беньямина, которое он противопоставляет мифическому: «Справедливость есть принцип любого божественного целеполагания, власть — принцип любого мифического правополагания ... Мифическая манифестация непосредственного насилия в глубине проявляет себя идентично любому правовому насилию и доводит представление о его проблематике до понимания губительности его исторической функции, уничтожение которой тем самым становится непосредственной задачей»²⁵. Он разводит их до противоположности по всем пунктам. Если мифическое насилие — правоустанавливающее, то божественное — правоуничтожающее; если первое устанавливает границы применимости, то второе безгранично и нелегитимно; если мифическое является источником вины и одновременно позволяет искупить вину, то божественное — вне вины, принуждая платить сполна; наконец, первое — грозяще и кроваво, второе — разяще и бескровно.

Божественное насилие не прочитывается Беньямином как правоустанавливающее и тем самым оказывается вне чувства вины. Последнее порождается тем, *что* Беньямин называет мифическим насилием (первородный грех и тотальное чувство признания вины — краеугольный камень христианской догматики — также не подпадают под юрисдикцию чистого божественного насилия). Обвиняя правовое сознание в том, что оно старательно замалчивает: несправедливость, насилие, лежащие в его основании, — Беньямин в классическом стиле психоанализа вменяет правовому сознанию чувство вины. Противопоставляя мифическому насилию *чистое* божественное, он выпытывает у правового бессознательного признание того, что своим рождением оно обязано «грязному» насилию.

И сегодня установлению демократической формы права предшествует насилие над стихийно сложившимся порядком. Слова Ротшильда: “Не спрашивайте, как я заработал первый миллион, я готов до копейки отчитаться, как я заработал второй”, — кажутся прямым политическим выпадом и

²⁴ Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 55.

²⁵ Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt. // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. II. 1. Fr. am M., 1977. S. 199.

“заказным” банкротством олигарха, когда его просят отчитаться за второй миллиард. Структуры порядка неизменно и скоро возрождаются после любых смут. И напротив, в отечественной истории столь же рьяно заявляют о себе силы, ведущие к беспорядку, после любых, пусть еще и не устоявшихся форм порядка. В отношении же вооруженности и обеспеченности мысли трудно не заметить сходство символического накопления концептов с ростом материального благосостояния философа. Не спрашивайте, откуда я взял те или иные концепты, смотрите, как я *от своего лица* могу ими пользоваться. Но философия сама есть этот тиранический инстинкт, духовная воля к власти, к «сотворению мира», к «*causa prima*». Претензия на власть из своего места, топоса, тела — дело правое, а претензия на власть под видом проведения всеобщих интересов или, что едино, идеалов демократии — неуместное. Но от этого различия существо претензии на власть не меняется. Понять чужую мысль гораздо проще, чем собственный топос, тем более, внятно и последовательно заявить о его интересах на философском языке.

Отсутствие *традиции развития собственной мысли, мысли на собственных основаниях* ведет, с одной стороны, к бунту по отношению к предшественникам и, с другой — к некритическому доверию чужой мысли. Преломившись подобным образом, идея нигилизма обретает чистую форму отрицания. О том, что рискованно *полностью* полагаться на чужие технологии, — известно, однако господство чужих философских концептов не оценивается как форма колонизации. Внешние же топосу концепты ввиду особой восприимчивости отечественных интеллигентов, а теперь — интеллектуалов, перерастают границы *разумного*. Некритическое *восприятие* западной философии легко превращает ее в господствующую идеологию, со всеми вытекающими (например, ложное, в силу несоответствия времени и месту, сознание) следствиями. Зарубежная философия завораживает неизвестностью контекста, из которого она произрастает. Она потому с легкостью преодолевает несоответствие местным условиям жизни, что дает абстрактные, всеобщие, а потому и *неуместные* ответы на актуальные проблемы общества. При этом всегда есть соблазн думать, что их проблемы уже стучатся в дверь, что они вызваны к жизни меняющимися (по аналогии с Западом) условиями жизни. Например, сила ницшевского нигилизма *покоится* на устойчивом порядке, благополучии среднего класса стран центральной Европы. Современная постструктуралистская философия (острием негации направленная на структуры порядка, власти, нормирования во имя утверждения свободы от насилия в них заключенного) обладает ограниченным потенциалом объяснения процессов, происходящих на все еще огромной территории России. Философ XX века борется не только против насилия государства, но и против обыденного сознания, *доверяющего* своему государству. Зазор между ответственностью за свое государство и дистанцией к нему выражает состояние интеллектуалов и общества. Но в ситуации традиционного для соотечественников неприятия

государства, власти вооружаться тотально деструктивной концепцией — значит загонять себя в тупик, в котором оказывается любое рыхлое коллективное тело, в котором солидарность возникает лишь на негативной основе, а созидательные импульсы проявляются лишь после великих потрясений.

На этом фоне следовало бы выступить в защиту отечественного производителя философских концептов. Ибо главное их достоинство в том, что они подвержены критике соотечественников столь же радикально, сколь безапелляционно принятие иностранных концептов, поэтому у отечественной философии не может возникнуть *безусловного* авторитета и она не превысит предельно допустимую норму влияния на общество и, поэтому, не станет господствующей идеологией. По крайней мере, в обозримом будущем. Парадоксальность актуальной ситуации в том, что отказавшись от одной формы идеализации западной философии (многие по-прежнему отождествляют отечественную форму марксизма с философией как таковой), просвещенная нашими университетами публика полагает, что вред исходит *от своей философии* (на поверку марксистской). «Выход» находят в доверии новым направлениям западной мысли. Именно врожденный нигилизм по отношению к отечественным мыслителям не допустит их концепты в качестве *безоговорочных* авторитетов при анализе российской действительности. В этом смысле своя философия хороша тем, что *не имеет и не может иметь тотального господства*. Тому подтверждение ничтожно малое ее влияние на общественную жизнь, политику, мораль и искусство страны. Местный философ — если не пария, то уж точно фигура неудобоваримая, поскольку максимум для чего пригодны его образ мысли и образ жизни — для частного, изысканного использования разума. Ведь он не удостоверяет комфортность здравого смысла, который дает популярный писатель, не попадает в структуры поверхностного реагирования, подобно журналисту, не обладает ни холодной формальностью ученого, ни практической пользой результатов его исследования, не работает в режиме наигранной толерантности теле- и радиоведущего, не проясняет скрытые цели принятых политических решений подобно политологу, не использует фигуры речи, опирающиеся на показной гуманистический лоск политиков, не зовет нарушать табу, как это делает актуальный художник, — он предлагает радикальные авантюры мысли, выходящие за скобы повседневности.

После очередного заката того или иного популярного философского направления в Европе отечественные интеллектуалы воспроизводят каждый раз архетипическую ситуацию выбора философской веры. В неразрывной связи с критикой современных отечественных мыслителей стоит негативное отношение к предшественникам, к своим непосредственным учителям. Каждый, отрицая все до него существующее, начинает с нуля. Наш нигилизм в отношении предшественников, способность «забыть отцов», всегда начинать заново — в

эпоху катаклизмов, войн и массового самоистребления нации — спасительное качество нашей души, губительно в ситуации более-менее размеренной жизни.

Ситуация непризнания своего, в том числе своего ближайшего прошлого — не нова. Трудно не согласиться с проницательным В.В. Розановым: «У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства. От этого — наш нигилизм: «до нас ничего важного не было! И нигилизм наш постоянно радикален: “мы построим все сначала”». Прошедший век лишь усилил эту способность забывать и начинать с начала. Но сегодня эти качества не только не отвечают времени, но и — вот власть удобной формулы — вредны, поскольку не позволяют включить механизм идентификации и соотнести современника с предшественниками, которых трудно понять и тем более оправдать. Как результат, интеллект не может настоящее увидеть в свете прошлого и посмотреть на конкретную ситуацию с позиции целого и изнутри целого.

Актуальный нигилизм соотечественника по своему типу не является ни западным (этап развития), ни восточным (тотально и жертвенно отрицающим Запад), отрицая свою, он осваивает, исправляет и дополняет философию Гегеля, Гельмгольца, Гуссерля, полагая при этом, что он закладывает *начало* новой отечественной традиции. Но следующий, «начиная с начала», забывает «начала» предшественников, обращаясь к новому или все тому же западному философу, и все повторяется заново. Не эта ли юношеская пылкость в отрицании старших являет неоспоримое свидетельство подросткового характера нашей мысли, выход из которого, по Канту, является условием Просвещения, условием традиции, условием внимания к своему топосу, отстаивающего его особенности в глобальном мире.

Терроризм — современная форма нигилизма

Уже свершившаяся судьба нигилизма XX века есть история, которая осмысливается здесь изнутри своего века. Это дает остроту переживания, смутное, трудно артикулируемое ощущение конца истории определенной формы нигилизма, отождествляется с концом истории *как таковой*.

Следующей, покидающей определенность схемы анализа нигилизма как в форме государственного тоталитаризма, вычеркивающего индивидуума и личность государственной тоталитарной машиной (то, что так отчетливо проявило себя в ситуации Первой Мировой войны) и отрицание (уничтожение) персоны, олицетворяющей власть с позиций маргинальной идеологии группы, переприсвоившей себе функцию устанавливать новую конструкцию власти. Инновационный нигилизм радикальных одиночек и маргиналов осуществляет терапевтическую роль: его негативной энергией питаются экономика, политика управления массами, индустрия развлечений и мода. Это отразил еще в 30-е гг. Э. Юнгер: «Общество (бюргерское) обновляется в ходе мнимых нападков на

самое себя. Свойственный ему образ мыслей сказывается в том, что всякую противоположность оно стремится не отторгнуть, а вобрать в себя. Где бы не встретилось ему то или иное притязание, заявляющее о своей решимости, оно идет на утонченный подкуп, объявляя его очередным выражением своего понятия свободы и, таким образом, придавая ему легитимность перед судом своего основного закона, то есть обезвреживая его.

Это придало слову “радикальный” его невыносимый бюргерский привкус, и, кстати говоря, благодаря тому же сам по себе радикализм становится прибыльным занятием, которое было единственным пропитанием одному за другим поколениям политиков и художников”²⁶. По сути дела, Юнгер выразил то же, что диагностировал в начале XX века В. Розанов: «нигилизм давно лижет пятки у богатого, ... нигилизм есть прихлебатель у знатного»²⁷. Культурная легитимность этого вида терроризма поддержана позитивностью обнаруженного противоречия, позитивностью дозированного конфликта и стресса. Того, что мы можем обнаружить в таких феноменах как «бунтующая экстравагантность» — течение моды, которое как нельзя точно отражающее позитивную оценку адаптированного протеста, к прирученному феномену моды нигилизму, к радикализму в рамках буржуазного вкуса.

Творчество авангардного нигилиста питается состоянием восторга, эйфории, экстатической радости, есть рождение нового в реальном времени. Помещая себя в зону осуществленного будущего, и модернист, и нигилист оказывается на острие прогресса. Политической революции сопутствовала революция в умах авангардных художников; радикальный разрыв с предшествующей традицией уравнивается появлением новых направлений — футуризма, авангарда, конструктивизма. Именно в этом ключе стоит читать утверждение Жана Полана: «Вместо того чтобы возмущаться приемами Террора, нам, возможно, стоит восхититься его мудростью»²⁸.

Нигилист действовал изнутри целого, направлял свои усилия на трансформацию целого (не случайны юнгеровские образы мутации, трансформации), террорист же действует извне. Если нигилизм это, в первую очередь, личная проблема и проблема нравственная, то терроризм — внеличностная, поскольку ставит человека перед фактом бесконечного и непоправимого зла, немыслимого в этических категориях; террор есть проявление зла в чистом виде. Нигилист имеет лицо, персонален, а террорист

²⁶ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., “Наука”. 2000. С. 75-76.

²⁷ Розанов В.В. Сочинения. Л., 1990. С. 351. И надо признать, что отмеченное Розановым и Э.Юнгером явление не есть исторический эксцесс, скорее унылый повтор судьбы строптивцев и бунтарей, с возрастом становящихся конформистами и консерваторами. Вот пример из настоящего: «несмотря на заложенный в роке элемент бунтарства, рок-индустрия стала в последнее время очень консервативным бизнесом» (Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М., 2005. С. 144). Речь идет об американской рок-сцене рубежа XX - XXI веков.

²⁸ Полан Ж. Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности. СПб., 2002. С. 129.

— имперсонален, безлик. Терроризм — новое имя нигилизма. Нигилизма, который от шокирующего отказа от Бога и морали, от одиночных выстрелов и готовности к самопожертвованию революционеров XIX века, в XXI веке технически оснастился: взяв на вооружение архаическую логику «мы» и «они». Его цель — не прогрессивное развитие, но отказ от развития, сохранение традиционного уклада жизни, который внутренне враждебен современной цивилизации. Дело в том, что логика терроризма строится на других, не связанных с *рациональным проектом* основаниях.

Следовательно, и помощи в понимании терроризма «деконструкции» классической рациональности оказывают ничтожно мало. Нигилизм — доведенная до идеализма идея прогресса, терроризм — абсолютизация традиции, стагнация политики, веры и морали. Абсолютная жертва терроризма — производная новой формы нигилизма XXI века есть результат абсолютного преступления и она же инверсия абсолютизации уверенности не только в своей правоте, но и неуязвимости. Но любая абсолютизация чревата отрывом от реальности, в том числе отрывом от реальной угрозы. Эпоха глобализации вызвала к жизни стратегию фундаменталистского терроризма, утверждающую права аутсайдеров и маргиналов на *самобытность*, путем негации бытия господствующих. Идеологию столь эффективную, что уже «американское правительство приняло и установило в качестве аксиомы принцип, позаимствованный у тех, кто на них напал. Оно согласилось характеризовать конфликт в этических и религиозных терминах: «битва добра со злом, битва, тем самым, столь же беспредельная, как и само их противостояние», — точно фиксирует Ж. Рансьер.

Терроризм как крайняя форма проявления практического нигилизма существовал с тех пор, как на исторической сцене появился нигилизм. Террорист упивается не видением нового, но средоточием *взглядов на себе* в реальном времени, ведь теракты и 11, и 1 сентября, в которых погибли безвинные люди, весь мир смотрел в прямом эфире. Сверхценность индивидуальной жизни, проистекающая из западного ее образа, притягивает всех к источнику новостей. Террорист не представляет себя в будущем, но предоставляет возможность массам созерцать себя в настоящем. Он не открывает *еще не ставшее*, но давно уже ставшее отождествляет с неизменно сущим. Он провозглашает (всеми возможными средствами) конец истории становления. Терроризм тотально отчужден от производства и становления и в то же время консервирует *прототипы* организации современной жизни. Тотальная негация и радикальный жест вычеркивания — отличительная черта терроризма эпохи глобализации.

Неспособность создать идеологию рождает стихийный, аффективный способ поведения, обращающий себя к «мифическому праву» (В. Беньямин).

Терроризм — неререфлексивное понятие, отождествляемое с «божественным насилием», поскольку он стремится возродить ситуацию, очевидную для архаики «смена событий в мире определялась мгновенной волей богов — для новых людей она определялась вечным мировым законом»²⁹. Меняющий фундамент жизни и связанный с крайней формой насилия и разрушения терроризм декларирует себя фундаментальным. Именно поэтому он неререфлексивен, тогда как нигилизм имел респектабельную связь с философски понятой и обоснованной формой отрицания; нигилизм связывает себя с революционным порывом, а терроризм — с контрреволюционным.

Но что, скажите, даст нам попытка увидеть след нигилизма в терроризме? Объяснит ли парадокс, зафиксированный Розановым: «в терроризм можно влюбиться и возненавидеть до глубины души». Не единство же территории, на которой и за обладание которой происходит акция. По крайней мере, именно в силу неререфлексивности термина «терроризм», мы не можем говорить о его привлекательности, зоне сверх-значимости происходящего, великого и мгновенного события, которое раскалывает жизнь на *до* и *после*. Рождается новая эпоха, новая культура и политика, новая философия. Однако ничто так не мешает аналитике, как абсолютизация уникальности феномена. В другом ключе трактовка его как очередной формы (еще одной, но, конечно же, не последней) дает другую точку зрения, скорее обустроивает место, из которого можно продумывать вместе с Юнгером и Хайдеггером ситуацию «у последней черты».

Уничтожение другого мира — вот цель новой формы нигилизма. Его территория, если придерживаться терминологии Юнгера, не театр военных действий Первой Мировой войны, но весь мир. Остался в прошлом нигилизм как побочный эффект неизбежности прогрессивного развития, нигилизм, который в радикальном авангардном порыве стремится в зону рождения нового, доселе неизвестного. Здесь мы имеем дело с *реакцией* на западный тип воспроизводства жизни, одним словом — с *реактивным* нигилизмом. Кровавая архаическая жертва и терроризм есть то, чего не может быть согласно идеалам просвещенного разума, религии, морали. Когда нигилизм принимает форму терроризма, тогда отрицание не есть момент внутреннего развития, а бытие сущего отрицается тотально. В таком случае переход через линию есть переход последней черты существования, что ведет не только в другой, лишенный метафизики мир, но в мир иной, где другой (новый, цивилизованный мир) вычеркивается как вид сущего. В итоге, высвобождая в нигилизме бездну ужаса, терроризм сковывает жизнь холодом небытия.

²⁹ Гаспаров М. Об античной поэзии. СПб., 2000. С. 59.

Древние были мудры, когда резонно опасались менее развитых соседей, числя за ними магию и колдовство³⁰. Сегодня утрата чувства самосохранения обернулась трагедией. При этом трагедия прямо противоположным образом прочитывается ее участниками. Жертвами себя считают обе стороны, победителями — никто. Первые, потому что акты террора направлены на них. Вторые, считают так потому, что они выступают от имени народов-жертв, неспособных сохранить свою общность, устои и традицию перед лицом очевидных трансформаций традиционных ценностей, и которые, поэтому, не находят других средств противопоставления всесилию визуальных образов, тотальности медий, подкрепленных военной и экономической мощью. На терроризм сегодня уповают как на универсальное средство магического преобразования реальности. Идеологи терроризма «подмораживают» Восток, пытаясь сохранить ритм жизни цивилизации, которая по образному замечанию Э. Чорана — «млеет в величественной косности».

При этом терроризм вступил в эпоху машинизации социальных связей, онтологической реальностью которых является образ. Здесь происходит тотальное сращивание тела производящего, передающего и получающего информацию. Человек замыкается в мире вторичных изображений, а любая попытка поиска референта прямо или косвенно отсылает к реальности образа. В результате рождается одно обезличенное тело, которое быстро разбирается и собирается в точках информирования. В цивилизации, девальвировавшей слово, эффект «разорвавшейся бомбы» приобретает *образ взрыва*, двумерная геометрия которого подобно наскальным рисункам архаической эпохи наследует их магическую силу. Режим глобализации опирается не на девальвировавшие себя тоталитарные механизмы власти, но на всесилие образа, которому решительно уподобляется коллективное традиционное тфяело. В цивилизации образа люди видят не образы, а образами; они схвачены его организацией.

Терроризм завершеного постмодернистского проекта не схватывается ни притязанием классического разума, ни интенцией подозрения, ни искусством деконструкции любой инстанции власти. Дело в том, что сам акт манифестации его 11 сентября 2001 г. перформативен: он завершает проект капитуляцией как техники, его породившей, так и техники аналитики его. Учреждается новая эпоха, яркость осознание которой входит в противоречие с «глубиной» ее постижения.

³⁰ Э. Б. Тайлор собрал многочисленные примеры, подвигнувшие его к выводу о том, что «в любой стране изолированное или отдаленное племя, уцелевший остаток более древней народности могут приобрести репутацию колдунов» (Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 92).

Школа нигилизма

Первый взрыв атомной бомбы 6 августа 1945 — точка концентрации разума, финальный аккорд прогресса и знак кризиса цивилизационной (планетарной, сказал бы Хайдеггер) модели общества. 11 сентября 2001 — конец эпохи постмодерна, а 1 сентября 2004 года — конец иллюзии *однородности* общества, темпов цивилизационного развития России, связанной с осознанием специфики различных топосов. Первое сентября — констатация рыхлости коррумпированного социального тела перед лицом плотно сбитого инородного тела террористов. Но коррумпированность надо понимать не как привнесенность и разложение, но как сохранение отношений традиционного общества, единого непосредственно данного тела традиции: похищение, выкуп, откуп, дар. Первое событие потребовало для своего осуществления чистоты производства, технологических процессов, обогащенного урана, второе, результат идеализации прогресса и технического превосходства, родившего чувство успокоенности, а третье событие стало возможно благодаря тотальной коррупции, скрытому господству доцивилизационного — традиционного — типа общественных связей.

Во времена даманского кризиса стала известна концепция войны, принятой Китаем: всеми силами смять дистанцию, сблизиться настолько, чтобы враг не мог применить оружие массового поражения, не задев своих. После этого в ближнем бою, используя превосходящий человеческий ресурс и дисциплину тела, опрокинуть противника. Если Китай и стал стратегическим партнером России и изменил сегодня концепцию войны, то ее взяли на вооружение террористы; сняв черные маски и приняв гражданский облик, они, став неразличимыми, приблизились к нам. В отношении террористов бесполезно техническое превосходство, или, если избегать прямолинейности, нельзя уповать только на техническое превосходство. Их коллективное тело, находящееся на другой стадии социального возраста, и, следовательно, иначе относящееся к смерти, неизменно превосходит цивилизованного человека, человека, привыкшего воевать *внешней техникой*, террористы используют *технику внутреннюю*: психо-технику, религиозные технику проповеди, техники, устранившие страх смерти, боль и сочувствие к другому.

Путь террориста — путь религиозного спасения. Еще А. Шопенгауэр заметил: «бесспорно, что одна религия или философия больше, чем другая, рождает в человеке способность спокойно глядеть в лицо смерти. Брахманизм и буддизм, которые учат человека смотреть на себя как на первосущество, Брахмана, которому, по самой сущности его, чужды всякое возникновение и уничтожение, — эти два учения гораздо больше сделают в указанном отношении, чем те религии, которые признают человека сотворённым из ничего и приурочивают начало его бытия, полученного им от другого существа, к реальному факту его рождения. Оттого в Индии и царит такое спокойствие и

презрение к смерти, о котором в Европе даже понятия не имеют»³¹. Сегодня религиозное презрение к смерти объединилось с техногенной фазой нигилизма — терроризмом.

Радикально поменять полюса своего-чужого и стать ответственным, создать из неукорененного, коррумпированного, а потому рыхлого социального тела, тело плотно сбитое — является условием асимметричного ответа, который явил нам терроризм. Но подобное лечится подобным. Когда я вижу сеть разбегающихся грунтовых дорог у границ своего географического тела, когда я знаю, что по ним идет контрабанда, я получаю послание о том, что вслед за контрабандной товаров придут наркотики, оружие, террористы. Чтобы выжить, необходим ряд мер, в том числе и идеологических, для чего нужно сделать выбор интеллектуалам, включая тех, которые комфортно чувствует себя на информационном рынке и по старой интеллигентской привычке отделяют себя, свою позицию от государства, власти, правительства и, в конце концов, от интересов *земли* в забытом у нас, но актуальном, например, в Германии, смысле. Отчуждение от места, дает право считать *чужой* власть, политику, военные действия и специальные операции страны, в которой родился и в которой продолжаешь жить. Признать же ответственность за происходящее — это значит признать правительство, которое ты не/выбирал правительством *своей страны*, следовательно, необходимость работать на трудном (потому что грязном, по определению) пути политики, борьбы за приход во власть *своих лидеров, своих политиков*, за которых ты будешь отвечать — неимоверно трудно.

По прошествии времени “Вехи-2” — если таковые будут написаны — не смогут обойти стороной вину интеллектуалов за происходящее. И главная их вина — *неучастие*. Если интеллигенция виновна в свершившейся революции 1917-го, то современные интеллектуалы, все силы бросившие на чтение, перевод и изучение западных концептов, виновны в забвении местного контекста; о реальных проблемах редко говорят, еще реже размышляют и пишут, а тем более публикуют свое мнение. Неангажированность на руку тем, кто под видом общечеловеческих ценностей проводит собственные интересы. Все еще в ходу индивидуализм. Он же причина неумения обращать внимание и разоблачать демагогию и мужественно заявлять об интересах топоса. «Интеллектуалам не хватает внутреннего терроризма» (С. Л. Фокин) — решимости утверждать свою, а не щедро оплаченную оппозиционную точку зрения. При этом на выражение интересов топоса претендуют те, кто говорит несдержанно, неполиткорректно, агрессивно, а посему — неумно, либо те, кто говорит с постыдной интонацией оправдания, оговорок, робея перед властью микрофона и камеры. Исправить ситуацию — архиважнейшая задача.

Не замечать происходящего или, напротив, впадать в обличительный по отношению к власти пафос, с дрожью в голосе говорить о трагедии (вполне объяснимая и понятная позиция интеллигента) — не выражает существа дела.

³¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2-х т. Т. 2. М., 1992.

Кстати, обвинения в недемократической и неинтеллигентной позиции являются одним из наиболее страшных обвинений мыслителя наряду с национализмом, шовинизмом, имперским мышлением. Эти средства обуздания топологической рефлексии, которые, например, эффективны в отношении к власти, являются признаком правоты позиции интеллектуала; его правота растет тогда, когда его обвиняют во всем сразу. Философ не может работать в поле, в котором работает политик, телеведущий, журналист. Подтверждается точный диагноз, который поставил нигилизму в начале XX века В. Розанов: «нигилизм давно лижет пятки у богатого, ... нигилизм есть прихлебатель у знатного»³².

Интеллектуал призван анализировать события, говорить от имени тех, у кого есть чувства, но нет навыка рефлексии. Но здесь я вижу прямую зависимость между отсутствием в рядах призывников на военную службу детей элиты и отсутствием в рядах интеллектуалов тех, кто бесстрашно подвергает рефлексии современное положение дел, исходя из интересов людей проживающих в определенном историей месте, то есть интересов целого. Мало доверяя интеллектуалам, которые *здесь* лишь одной ногой. Однако власть, лишенная философского анализа, страдает иммунодефицитом и поэтому подвержена вирусам чуждой топосу политики, в итоге, она становится слабой. Если нет своей философии, мы получаем «независимый» публицистический дискурс с оглядкой на интересы другого. (В свое время В. Беньямин своей концепцией “Критики насилия” развязал языки тем, у кого были связаны руки, указал на право быть правым, критикуя большинство, западное правовое государство, власть.) Сегодня не менее остро востребован дискурс борьбы с властью — или, что одно и то же, демократической элитой, осуществляющей свое господство медиасредствами а, следовательно, через общественные настроения, мнения, волеизъявления.

Но вернемся к теме нигилизма и границ. Граница – это то, что внутри нас, то, что трудно преодолеть, то, что картографирует наши траектории физического движения, траектории осуществления желания. И образ стены времени точнее раскрывается не непреодолимой стеной и автоматными очередями, прерывающими бег к границе. Ее образ ближе табу: нарушение которого невозможно изнутри только потому, что прежде ужасное наказание за нарушение было неотвратимо. Граница всегда несет облик ландшафтной линии, которая проведена на собственном геополитическом теле, она разделяет не природу и культуру, но культуру природопользования, культуру внутреннюю от внешней, к примеру, дорогу от поля и леса. Дикая, естественная природа сегодня самый культивируемый объект природы. Они требуют доброй воли и непрестанных усилий по сохранению дикости как дикости. Глубокая и безграничная душа соотечественника принадлежит *безграничному* же географическому его телу, которое *не знает*, а следовательно не соблюдает границу своего и чужого, частного и публичного пространства, дороги и газона,

³² Розанов В.В. Сочинения. Л., 1990. С. 351.

города и окружающей его природы, границу своих и чужих интересов. Когда нет четкости границы — появляется обширная зона маргинального. Нет зоны беспорядка, поскольку он тотален. Таков внутренний закон идеализма, таков же и нигилизма.

Нигилизм в XX веке, став нормой, отошел в историю. Появилась новая форма его. Оправдался диагноз Хайдеггера: «Позиции нигилизма благодаря пересечению линии, как кажется, в значительной степени уже сданы, но *язык нигилизма остался*». Суммируем современный контекст словоупотреблений нигилизма: государственный, социальный, религиозный, внутренний, правовой, национальный, смертоносный, метафизический, абсолютный и т.д. Таковы наиболее частотные определения ситуации в России, ситуации, когда уже ставшая форма требует иной рефлексии, иного языка, иной формы организации индивидуального и коллективного тела, а господствует аналитика нигилизма дотеррористического периода.

Итак, мы уже оказались по ту сторону черты, линии, границы эпохи. Но нашли ли мы новое «точное и уместное выражение» проявившегося — исторического — факта, новую интонацию, изобрели ли новый язык, на котором можно говорить об открывшейся нам реальности XXI века, из которой не изъять терроризм, поскольку он самым тесным образом связан и с обществом потребления, и с массмедиаальной формой жизни, и закатом постмодернизма? – Вопрос остается открытым.